
Евгений ЭРАСТОВ

* * *

Скрип уключин замшелой калитки.
Запах мокрой и прелой листвы.
Под ногами повсюду улитки —
Партизанки мои, недобитки
Вылезают из мокрой травы.

И на каждой промокшей дорожке,
От беседки до ржавых ворот —
Хрупкий панцирь, бордовые ножки,
Этот слизистый нежный испод.

Я ведь тоже, как вы, бестолковый,
О вселенской мечтал глубине!
Из валторны своей известковой
Вылезать не хотелось и мне.

Как я чувствовал холод эфира,
Горевые потоки воды,
Пустоту бесконечного мира,
Окружающей этой среды.

Капиллярный стреноженный шорох,
Густоту поэтических строк.
...Как листвы неприкаянный ворох
Поднимает шальной ветерок!

Ты со мною, дождливое лето —
Густопсовый, родной чернозем!
Пролетай, дорогая комета!
Далеко нам до скорости света,
Но мы тоже куда-то ползем...

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Подъем», «Юность» и др. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг. Живет в Нижнем Новгороде.

БАТЮШКОВ В ВОЛОГДЕ

Есть времени предел и брэнной жизни срок.
Опавшую листву осенний ветр гоняет.
Не воин, не поэт, тем боле — не пророк,
Безумный Батюшков по Вологде гуляет.

Ему, несчастному, давно уж наплевать,
Что муза не велит вотще листы марать,
И сдваивать слова, и грызть в истоме перья.
И слез не нужно лить, не нужно горевать,
Входить к спесивому редактору в доверье.

Представить нелегко — пустая голова!
Ужели сладкия рождалися слова
В коробке костяной под старомодной шляпой
С щербатым утлым ртом и ямами глазниц?
...В бездумье бродит он и молча смотрит ниц.
А вскоре встретит смерть с ее шершавой лапой.

* * *

Как бездонно ты, русское горе!
Буйный ветер хохочет в ночи.
Мне бы жить, как синичка за морем —
Песни петь да клевать куличи.

И на волны глядеть втихомолку,
Позабыв про шальные ветра.
Знать, что в Туле живет перепелка —
Ни кола у нее, ни двора.

Вспоминать, как в Германии пестрой,
Средь ухоженных древних земель,
Возле готики, мрачной и острой,
Хитроумный, как граф Калиостро,
Длинноклювый живет журавель.

Как терновник пострижен красиво!
Как богат и спокоен народ!
Он из кружек, поставленных криво,
Допивает баварское пиво
И сосиски уныло клюет.

На дородную смотрит супругу,
На дворцы, на резные мосты.

...Я пойду через русскую вьюгу
На ограды глядеть да кресты.

В вечном поиске здравого смысла
Не сойти б ненароком с ума!
А над кладбищем зимним повисла,
Как проклятие, вечная тьма.

Мне б туда, где никто не догонит!
Мне б забыть про земную юдоль!
Буйный ветер над кладбищем стонет —
Это отзыв на русский пароль.

ЗВУК

Не поймешь, где конец, где начало.
Как дела твои, Маленький Мук?
Столько дней ничего не звучало,
Только сосны ветрами качало,
А теперь вдруг прорезался звук.

Этот звук — чуть дрожащий, волнистый,
Вроде тонкой альтовой струны.
Услыхал его шмель бархатистый,
Бойкий дятел на ветке сосны.

Муравьишка лесной удивился
И застыл в придорожной пыли.
Звук, наверное, с неба пролился,
А быть может, из влажной земли.

Этот звук так настойчиво льется!
Уступает ему темнота.
Я уж думал, что он не вернется,
Что сковала уста немота.

Что поток, ледяной и жестокий,
Заглушит тебя, время щедрот.
Но бессмертны небесные токи!
...Этот звук — нутряной, одинокий,
Все покоя тебе не даёт.

* * *

Я видел Эльбу, и Дунай,
И медленную Влтаву.

Теперь сиди и вспоминай
Свою любовь-забаву.

И Днепр, где склон заполонил
Каштан широколистный,
И тихий Дон, и тухлый Нил,
И Волхов летописный.

В глухом, заброшенном краю,
Где дух сосновый, чистый,
Я гимны прежние пою —
Ветлугу нежную мою
И Керженец тенистый.

Но почему так дорога
В краю, где мокнет пижма
И преют влажные стога,
Кривая речка Шижма?

А помогли мне, видит Бог,
Запомнить это чудо
И на березе рыжий мох,
И дятел красногрудый.

* * *

На пороге смерти добровольной
Алчной императорской ночи
По бульварам Вены своевольной
Резвые порхают скрипачи.

И наставник в музыкальной школе
Педантично смотрит сквозь очки,
Как летят шестнадцатые доли.
Снова забывают про бемоли
Учениц ленивые смычки.

Глядя в криворукие потемки,
Штрауса играя на балах,
Рыжеусых Габсбургов потомки,
Сказочной империи обломки,
На дунайских кружатся валах.

Помыслы о Сербии отбросив,
Забывая козни при дворе,
Престарелый кайзер Франц-Иосиф
Слышит звуки скрипок на заре.

Страшные настанут перемены.
Разжируют платяные вши.
По бульварам сладострастной Вены
Будут рыскать пьяные сирены,
У солдат выманивать гроши.

Что шалавам ушлая команда
Деспотов, садистов, палачей?
В шкафчике у дяди Фердинанда
Тысячи замочков и ключей.

Есть часы, но сломана кукушка.
Кровью перекроена страна.
Жалкая австрийская игрушка.
Штыковая жуткая война.

Глад и мор гуляют по планете,
От приказов сохнет голова.
Ничего нет вечного на свете -
Только эта музыка жива.